

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

А. БЛОК В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ Б. ПАСТЕРНАКА

И.А. Бурков

Кафедра истории русской литературы XX—XXI веков
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Ленинские горы, д. 1, стр. 51, Москва, Россия, 119991

Предметом анализа в статье выступает образ А.А. Блока, воссозданный в художественных, мемуарных и литературно-критических текстах Б.Л. Пастернака. Пастернак рассматривает Блока одновременно как крупнейшего представителя общеевропейского символизма (наряду с Верхарном, Верленом, Прустом и Рильке), как реалиста, сделавшего свой субъективно-биографический опыт всечеловеческим достоянием, и как наследника русской шекспировской традиции. При этом Пастернак выделяет именно те черты художественного мира Блока, которые были восприняты им самим на разных этапах его творческого пути (автобиографизм и жизненность образов в противовес изящной словесности, импрессионизм как попытка запечатлеть бытие в его непрерывном становлении, простота плана выражения, внутренняя свобода творческой личности).

Ключевые слова: Пастернак, Блок, рецепция, эволюция, личность, символизм, импрессионизм.

На протяжении всего своего творческого пути Б. Пастернак оценивал А. Блока как крупнейшего русского поэта рубежа веков, которого он буквально боготворил в молодости [1. С. 609; 2. С. 426] и который оказал на него основополагающее влияние [3. С. 159; 4. С. 398]. По свидетельствам самого Пастернака, замысел его первой книги «Близнец в тучах» (1913) был вызван блоковским стихотворением «Темно в комнатах и душно...» (1901) из «Стихов о Прекрасной Даме» [5. С. 671], а над своим итоговым произведением — романом «Доктор Живаго» (1945—1956) — он начал работать одновременно со статьей о Блоке [6. С. 422]. Летом 1946 г., накануне 25-летней годовщины со дня смерти Блока, были написаны ранняя редакция первой главы романа (под заглавием «Мальчишки и девочки») с соответствующим эпиграфом из стихотворения Блока «Вербочки» 1906 г.) и заметки для будущей статьи.

Статья не была дописана, но впоследствии Пастернак разъяснял: «...этот роман я пишу вместо статьи о Блоке» [7. С. 468], причем главный герой составляет

«некоторую равнодействующую между Блоком и мной» [8. С. 492]. Напомним, что в самом романе Юрий Живаго также задумал написать статью о Блоке, но во время поездки на елку к Свентицким решает, что «никакой статьи о Блоке не надо, а просто надо написать русское поклонение волхвов, как у голландцев, с морозом, волками и темным еловым лесом» [9. С. 82].

Помимо «Доктора Живаго» и уже упомянутых набросков к статье, прямые высказывания о личности и творчестве Блока содержатся в автобиографической прозе Пастернака (повесть «Охранная грамота», 1931; очерк «Люди и положения», 1959), целиком посвященном Блоку цикле «Ветер» из книги «Когда разгуляется» (1959) и многочисленных письмах. Воссозданный в этих текстах образ Блока позволяет, с одной стороны, проследить пастернаковскую рецепцию блоковского наследия, а с другой стороны, выявить существенные черты мировоззрения и поэтики Пастернака.

В соответствии с собственной трактовкой личности как главного субъекта истории и творчества Пастернак рассматривает Блока «вне школ и систем» [10. С. 169], наделяя его качествами, инвариантно присущими всякому великому поэту, и в то же время подчеркивая уникальность его духовного опыта: «У Блока было все, что создает великого поэта, — огонь, нежность, проникновение, свой образ мира, свой дар особого, все притворяющего прикосновения, своя сдержанная, скрадывающаяся, вобравшаяся в себя судьба» [11. С. 309].

При этом Пастернак включает Блока в несколько пересекающихся историко-культурных контекста. Во-первых, это широко понимаемый общеевропейский символизм, от П. Верлена, Э. Верхарна и А. Скрябина до М. Пруста и Р.М. Рильке, который Пастернак рассматривает как живое и незавершенное явление, в отличие от исчерпавшего себя русского символизма 1900-х гг.

Во-вторых, Блок именуется реалистом наряду с У. Шекспиром, Ф. Шопеном, А. Пушкиным, Н. Бараташвили, Т. Шевченко, Л. Толстым, теми же Верленом и Рильке. Противоречие здесь только видимое. Наряду с общепринятым употреблением Пастернак использовал понятия «символизм» и «реализм» для обозначения двух вневременных констант всякого настоящего искусства. По известной формулировке из «Охранной грамоты», «искусство реалистично как деятельность и символично как факт» [3. С. 187], т.е. в подлинном творчестве художественные образы всегда имеют реально-биографическую основу и в то же время являются символами единства бытия, жизни как органической целостности. Позднее тот же круг мыслей о реализме был развит Пастернаком в эссе «Шопен» (1945), где он особо подчеркивал, что «везде, в любом искусстве, реализм представляет, по-видимому, не отдельное направление... Художественный реализм, как нам кажется, есть глубина биографического отпечатка, ставшего главной движущей силой художника и толкающего его на новаторство и оригинальность» [12. С. 62].

Примем также во внимание, что лето 1914 г. было периодом интенсивного общения Пастернака с Вяч. Ивановым, с чьей концепцией символизма он был хорошо знаком еще раньше по журнальным публикациям. Хотя ранний Пастернак выступал против провозглашаемого Ивановым сближения искусства и религии,

мы считаем достаточно убедительной гипотезу С.Н. Бройтмана о том, что «Пастернаком была воспринята идея Вяч. Иванова о “реалистическом символизме”» [13. С. 54]. Иванов противопоставлял реалистический символизм, который основывается на принципе «верности вещам, каковы они суть в явлении и существе своем», символизму идеалистическому, предполагающему верность не вещам, а «постулатам личного эстетического восприятия» и создающему иллюзию вещи [14. С. 538]. Эта концепция Иванова могла соединиться у Пастернака с феноменологическим представлением об интенциональности человеческого сознания, которое способно непосредственно, интуитивно созерцать сущность вещей и конституировать мир в его целостности.

В эволюции Блока Пастернак также обнаруживает двоякое понимание символизма. Первый том лирики Блока, по Пастернаку, остается в рамках «школьного», теоретического символизма. Поэтому во многих стихотворениях первого тома содержатся «случай ложной глубины со “страшными” общими словами (окультными или религиозными)», ведущие к содержательной пустоте и схематизму [15. С. 364—365].

Тем не менее, в некоторых стихотворениях с петербургскими пейзажами и реалиями (например «Там — в улице стоял какой-то дом...» (1902), «Сгушался мрак церковного порога...» (1902)), Пастернак обнаруживает «сильное проникновение жизни в схему», примеры «быстрой меткости и неподготовленной наблюдательности» [15. С. 364—365]. Более того, он утверждает подлинность и реалистическую уместность блоковского образа Прекрасной Дамы, без которого «действительность тех лет и мест осталась бы без выраженья» [15. С. 366]. Дело в том, что этот образ основывается на подлинных переживаниях Блока, сходных с мистическими чаяниями целого поколения, и воссоздается через конкретные детали церковного быта.

Далее, во втором и третьем томах лирики, с точки зрения Пастернака, природный дар и техническое мастерство Блока соединяются с «кругом действительной жизни его дней» [15. С. 364]. Блок постепенно переходит к «обязательному», противостоящему изящной словесности реалистическому символизму, который основан на естественном символизме самих вещей: «Символистом была действительность, которая вся была в переходах и брожении; вся что-то скорее значила, нежели составляла, и скорее служила симптомом и знаменьем, нежели удовлетворяла» [16. С. 55].

Прозревая скрытый смысл символов в реальности, Блок закономерно обретает провидческий дар и предугадывает будущие исторические катаклизмы: «Блок на небе видел разводы / Ему предвещал небосклон / Большую грозу, непогоду, / Великую бурю, циклон» [10. С. 171]. На сбывшиеся пророчества Блока Пастернак обращал особое внимание при работе над статьей. Так, над блоковскими строками «Да я, как ни один великий человек, / Свидетель гибели вселенной» стоит помета Пастернака «интересно», а над строками «Кто ж он народный смиритель / Темен, и зол, и свиреп...» — замечание «поразительно по случайности попадания» [5. С. 670].

Наконец, в «Докторе Живаго» Пастернак констатирует буквальную реализацию блоковских апокалипсических предчувствий: «Возьми ты это блоковское “Мы, дети страшных лет России”, и сразу увидишь различие эпох. Когда Блок говорил это, это надо было понимать в переносном смысле, фигурально... А теперь все переносное стало буквальным, и дети — дети, и страхи страшны, вот в чем разница» [9. С. 513].

Однако, в отличие от Иванова, Пастернаку важнее не то, что Блок раскрывает тайную сущность вещей, а то, что в своей лирике он точно воссоздает свои действительные впечатления и переживания. Соответственно, его уникальный субъективно-биографический опыт становится всечеловеческим достоянием. Именно во втором томе лирики, по мнению Пастернака, Блок отказывается от романтического миропонимания, предполагающего отчуждение гениальной личности от природы и общества, а также индивидуалистическое самоутверждение [3. С. 226].

Предельную восприимчивость личности Блока к бытию всего мироздания в его противоречиях и единстве Пастернак теоретически определяет как «святой демонизм», «анархическую широту взгляда», «свободу обращения с жизнью и вещами на свете» [15. С. 364, 391]. Последняя формулировка непосредственно восходит к блоковской трактовке «тайной свободы» художника, которую он дал применительно к Пушкину в речи «О назначении поэта» (1921) и стихотворении «Пушкинскому дому» (1921) [17].

Художественным выражением блоковской свободы и одновременно открытости стихиям жизни у Пастернака становится образ ветра, пронизывающий всю жизнь и творчество Блока: «Тот ветер, проникший под ребра / И в душу... Тот ветер повсюду...» В поэзии третьего тома, / В «Двенадцати», в смерти, везде» [10. С. 170]. Е.Б. Пастернак возводит генеалогию этого образа к статье Блока «О современном состоянии русского символизма» (1910), где ветер стал символом вторжения иных, «лиловых» миров в душу художника: «Быть художником — значит выдерживать ветер из миров искусства» [18. С. 433]. Позднее ветер становится исключительным по значимости лейтмотивом в поэме «Двенадцать» (1918), о периоде создания которой Блок писал: «Во время окончания “Двенадцати” я несколько дней ощущал физически, слухом, большой шум вокруг, шум слитный (вероятно, шум от крушения старого мира)» [19. С. 474].

В результате лирика Блока в понимании Пастернака драматизируется, т.е. насыщается действующими лицами и событиями, обретая «полное и инстинктивное созвучье времени — одновременность» [15. С. 363]. Событийность, историзм, насыщенность текста живой жизнью, ориентация на повседневное городское просторечие и, главное, установка на воссоздание бытия как целого являются теми признаками, на основании которых Пастернак включает Блока в третий литературный ряд — русское ответвление шекспировской традиции, представленное В. Жуковским, М. Лермонтовым, А. Островским и Ап. Григорьевым. Блок соприкасается с Шекспиром не только через творчество, но и через собственную личность, которую Пастернак наделяет изначальным «гамлетизмом» — «натурально-стихийной, неопределившейся и ненаправленной духовностью», направляемой впоследствии движением самой жизни [15. С. 363].

Так понимаемый реализм определяет, по Пастернаку, тематику (урбанизм) и поэтику лирики Блока. Главным героем, «душой» блоковской лирики Пастернак называет не лирического героя как такового, а образ Петербурга, который оказывается реальнее физического Петербурга, поскольку выражает метафизический смысл эпохи. В то же время этот образ «...подвергся такому одухотворению, что весь превращен в захватывающее явление редчайшего внутреннего мира» [11. С. 310].

Формой выражения, адекватной стремительно меняющейся городской действительности, становится блоковский импрессионизм, который проявляется в частотности перечислительных и эллиптических конструкций, объединяющих слова из далеких друг от друга семантических рядов: «Беспорядочное перечисление вещей и понятий с виду несовместимых и поставленных рядом как бы произвольно, у символистов Блока, Верхарна и Уитмена, совсем не стилистическая прихоть. Это новый строй впечатлений, подмеченный в жизни и списанный с природы» [9. С. 485]. При этом Пастернак устанавливает прямое соответствие между чертами художественной манеры Блока и самим «духом времени»: «Прилагательные без существительных, сказуемые без подлежащих, пряжки, взбудораженность, юрко мелькающие фигурки, отрывистость — как подходил этот стиль к духу времени, таившемуся, сокровенному, подпольному...» [11. С. 309].

Вместе с тем импрессионизм не противоречит простоте блоковского стиля, включающего «общеупотребительное, будничное просторечие» и «откровенно формальные рифмы» [11. С. 310; 15. С. 367]. Пастернак противопоставляет Блока, который выразил новаторское содержание на старом языке, включавшем речевые клише и ходячие истины, Белому и Хлебникову, которые, в свою очередь, увлеклись поисками нового языка и новых средств выражения, что оказало, по мнению Пастернака, губительное влияние на их творчество [11. С. 306].

Все сказанное позволяет нам более предметно поставить вопрос о возможных путях влияния творчества Блока на эволюцию Пастернака. Знакомство Пастернака с блоковской поэзией состоялось в период 1905—1906 гг. и произвело на него ошеломляющее впечатление: «Казалось, страницу покрывают не стихи о ветре и лужах, но фонари и лужи сами гонят по поверхности журнала свою ветреную рябь...» [11. С. 308]. Блоковская лирика, воспринятая как откровение, как факт жизни, а не изящной словесности, могла стать значимым фактором в стремлении Пастернака к субстанциальности и органичности (жизненности) образов при работе над своими первыми поэтическими книгами: «Но сначала нужно научиться писать так о весне, чтобы иные схватывали грипп от такой страницы или готовляли кувшин с водой под эти свежесорванные слова» [20. С. 243].

В статье «Несколько положений», написанной в 1919 г., в период работы над книгой «Сестра моя — жизнь», Пастернак прямо декларирует взгляд на искусство как на восприятие «живого, действительного мира» [21. С. 26]. При этом ранний Пастернак ориентировался на импрессионистическую поэтику, пытаясь точно передать в поэтическом тексте впечатления и ассоциации, связанные с конкретным моментом пережитого вдохновения [22. С. 266]. Напомним, что мета-

форическим обозначением такой творческой стратегии стал образ поэзии-губки, впервые возникший в стихотворении «Что почек, что клейких заплывших огарков...» 1914 г. и развитый в статье «Несколько положений», а также письме к родителям 1917 г.: «...вещь как губка пропитывалась всегда в таких случаях тем, что вблизи ее находилось: приключеньями ближайшими, событиями, местом, где я тогда жил, и местами, где бывал, погодой тех дней...» [23. С. 322].

В середине 1920-х — начале 1930-х гг. Пастернак уже осмысляет себя хранителем и продолжателем блоковской традиции: «Какое-то понятие поэзии, которым мы в России обязаны в конечном счете Блоку, я старался сохранить» [24. С. 540]. Вслед за Блоком Пастернак констатирует кризис лирики в условиях разрушения старой личности и обращается к эпосу с гражданской и историософской тематикой. Воссоздавая революционные события в поэмах «Высокая болезнь» (1923, 1928), «Девятьсот пятый год» (1926), «Лейтенант Шмидт» (1927) и романе в стихах «Спекторский» (1931), Пастернак наследует и развивает блоковский мифопоэтический образ революции как космической стихии, ведущей через катастрофические разрушения и справедливое возмездие целым поколениям интеллигенции к гармоническому преображению мира и человека. В частности, убедительные параллели между неоконченной поэмой Блока «Возмездие» (1910—1921) и названными лироэпическими текстами Пастернака были проведены Д. Быковым [25. С. 332—341].

Тогда же поэтика Пастернака начинает эволюционировать в сторону блоковской простоты. Создавая новые редакции своих ранних книг для переиздания в 1928 г., Пастернак сознательно освобождает их от тех штампов символизма, которые уже были ранее преодолены Блоком: «Перерабатываю для переиздания две первые книги, избавляю их, как могу, от символического хлама (не Белого, не Блока — это люди простые)...» [26. С. 238].

Наконец, к началу 1940-х гг. Пастернак приходит к осознанию того, что он является наследником всего общеевропейского символизма, призванным вывести эту традицию на качественно иной уровень: «...Я, слава Богу, еще жив и недописанное будущее европейского символизма обещает мне гораздо больше, чем он успел дать в прошлом» [27. С. 437]. Основанием для такой позиции стало, с одной стороны, резко критическое отношение Пастернака ко всему своему предшествующему творчеству и творчеству поэтов постсимволистского поколения, а с другой стороны, растущее признание Пастернака в кругах европейских интеллектуалов. Сопоставление Пастернака с Блоком, Прустом и Рильке, утверждающее их равновеликость, было предпринято в статьях английского литературного критика Ст. Шиманского, входившего в группу английских персоналистов. В первом номере альманаха “Transformation” (1943), издававшемся этой группой, под одной обложкой оказались опубликованы «Детство Люверс» (1918) Пастернака и «Крушение гуманизма» (1919) Блока. А в оксфордской университетской антологии русской поэзии 1946 г. самое большое место было отведено переводам из Пушкина, Блока и Пастернака.

Работая над романом «Доктор Живаго», Пастернак стремился воссоздать целостный образ революционной эпохи, развивая и трансформируя принципы бло-

ковской поэтики в большую эпическую форму: «понять московскую жизнь, интеллигентскую, символистскую, но воплотить ее не как зарисовки, а как драму или трагедию» [7. С. 468]. Наиболее перспективным ему представлялся синтез классических форм европейского романа (Диккенс, Бальзак, Флобер) с новым, антидетерминистским пониманием реальности, главными свойствами которой становятся единство, внутренняя свобода и непрерывное становление: «Я описывал характеры, положения, подробности и частности с единственной целью: поколебать идею железной причинности и абсолютной обязательности; представить реальность... как вдохновенное зрелище невоплощенного; как явление, приводимое в движение свободным выбором...» [28. С. 490].

Весьма вероятно, что формирование такого многомерного и нелинейного образа мира Пастернак как раз и усматривал в лирике Блока. Во всяком случае, пытаясь метафорически описать свое видение бытия как целого, Пастернак опять-таки обращается к блоковскому образу ветра: «...расписанный холщовый тент или занавес в воздухе, непрестанно кольшущийся и раздуваемый каким-то невещественным, неведомым и непознаваемым ветром» [29. С. 523]. Сам Блок становится для позднего Пастернака воплощенным идеалом свободной творческой личности, которая стремится повторить путь Христа: приходит к самоотречению и жертвам ради искупления исторической вины поколения и преображения мира, обретая бессмертие в человеческой памяти и культуре.

Если рассматривать суждения Пастернака о Блоке в контексте литературно-критической традиции, то следует признать, что большинство пастернаковских тезисов уже были высказаны в посвященных Блоку статьях 1910—1920-х гг. Об искренности Блока и глубокой связи его поэзии с биографией в противовес искусству как ремеслу писали Б. Грифцов, В. Брюсов, Н. Гумилёв, Г. Иванов, Б. Зайцев. Как урбаниста и поэта Петербурга с соответствующими особенностями стиля Блока трактовали К. Чуковский, В. Самойло, В. Брюсов. Прямую обусловленность импрессионистического стиля Блока особенностями новой городской действительности устанавливал П. Коган.

Наконец, специфика блоковской простоты была описана Ю. Тыняновым: «Он предпочитает традиционные, даже стертые образы (“ходячие истины”), так как в них хранится старая эмоциональность; слегка подновленная, она сильнее и глубже, чем эмоциональность нового образа...» [30. С. 121]. Указывая на эпический и драматический потенциал лирического героя Блока, Тынянов сформулировал творческую задачу, реализацией которой и явился роман Пастернака: «Блок — самая большая лирическая тема Блока. Это тема притягивает как тема романа еще новой, нерожденной (или неосознанной) формации» [30. С. 118].

Сами высказывания Пастернака о Блоке не могли оказать существенного влияния на отечественную науку и критику, поскольку содержащие их тексты не переиздавались либо не были допущены к публикации. Тем не менее известно, что во второй половине 1950-х гг. Д. Максимов отправляет на суд Пастернака свои стихи и статью о Блоке. Пастернак осторожно отзывался о его стихах, но всячески поддерживает направление его научных поисков: «Как это все хорошо разобрано

и написано! Как чудесно и правильно, как чисто охарактеризована роль Любви Дмитриевны». [31. С. 181]. Более того, там же Пастернак адресует Максимова к собственному циклу «Ветер» и к главке о Блоке в «Людах и положениях».

Впоследствии Д. Максимов и его ученики — З. Минц и Д. Магомедова — развили близкие Пастернаку идеи об автобиографической поэтике в лирике Блока и его преэминентности по отношению к традиционному поэтическому языку. Также весьма вероятно, что сопоставление Блока и Пастернака содержалось в неопубликованной статье А. Синявского 1956 г., которую Пастернак полностью принял и одобрил. В переработанном виде статья Синявского позднее стала первой серьезной научной работой о творчестве Пастернака, опубликованной в СССР [32].

Обобщая собранные факты, важно отметить, что Пастернак оставляет без внимания те стороны творчества Блока, которые могли бы обнаружить существенное расхождение их ценностных и эстетических позиций, в частности блоковскую трагическую модальность, иронию и богоборческие мотивы. Таким образом, в своей литературно-критической и художественной интерпретации Блока-творца Пастернак выделяет особенности, присущие им обоим, что создает фактическую основу для адекватного научного сопоставления их художественных миров.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Пастернак Б.Л.* Письмо М.И. Цветаевой от 27 марта 1926 г. // Пастернак Б.Л. Полн. собр. соч.: В 11 т. — М., 2003—2005. — Т. 7. — С. 608—611.
- [2] *Пастернак Б.Л.* Письмо М. Октябре от 4 февраля 1959 г. // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 10. — С. 426—428.
- [3] *Пастернак Б.Л.* Охранная грамота // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 3. — С. 148—238.
- [4] *Пастернак Б.Л.* «Готовящейся книге моих избранных стихотворений...» // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 5. — С. 398—399.
- [5] *Пастернак Е.Б., Пастернак Е.В.* Комментарии // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 5. — С. 510—743.
- [6] *Пастернак Б.Л.* Письмо Н. Я. Мандельштам от ноября 1945 г. // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 9. — С. 421—422.
- [7] *Пастернак Б.Л.* Несколько слов перед чтением первых глав «Доктора Живаго» // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 5. — С. 467—468.
- [8] *Пастернак Б.Л.* Письмо З.Ф. Руофф от 16 марта 1947 г. // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 9. — С. 492.
- [9] *Пастернак Б.Л.* Доктор Живаго // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 4.
- [10] *Пастернак Б.Л.* Ветер // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 2. — С. 169—171.
- [11] *Пастернак Б.Л.* Люди и положения // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 3. — С. 295—345.
- [12] *Пастернак Б.Л.* Шопен // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 5. — С. 61—65.
- [13] *Бройтман С.Н.* Поэтика книги Бориса Пастернака «Сестра моя жизнь». — М., 2007.
- [14] *Иванов Вяч. И.* Две стихии в современном символизме // Иванов Вяч. И. Собр. соч.: В 4 т. — Т. 2. — Брюссель, 1974. — С. 536—561.
- [15] *Пастернак Б.Л.* К характеристике Блока // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 5. — С. 363—367.
- [16] *Пастернак Б.Л.* Поль-Мари Верлен // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 5. — С. 54—58.
- [17] *Блок А.А.* О назначении поэта // Блок А.А. Собр. соч.: В 8 т. — М.-Л., 1960—1963. — Т. 6. — С. 160—168.
- [18] *Блок А.А.* О современном состоянии русского символизма // Блок А.А. Указ. соч. — Т. 5. — С. 425—436.

- [19] Блок А.А. Из «Записки о „Двенадцати“» // Блок А.А. Указ. соч. — Т. 3. — С. 474—475.
- [20] Пастернак Б.Л. Письмо Л.О. Пастернаку от 10—15 мая 1916 г. // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 7. — С. 240—247.
- [21] Пастернак Б.Л. Несколько положений // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 5. — С. 23—27.
- [22] Пастернак Б.Л. Письмо С. Чиковани от 6 октября 1957 г. // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 10. — С. 264—267.
- [23] Пастернак Б.Л. Письмо родителям от 7 февраля 1917 г. // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 7. — С. 321—323.
- [24] Пастернак Б.Л. Письмо П.П. Крючкову от 21 июня 1931 г. // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 8. — С. 539—541.
- [25] Быков Д.Л. Борис Пастернак. 5-е изд. — М., 2007.
- [26] Пастернак Б.Л. Письмо М.И. Цветаевой от 29 июня 1928 г. // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 8. — С. 237—240.
- [27] Пастернак Б.Л. Письмо И.С. Буркову от 28 декабря 1959 г. // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 9. — С. 437.
- [28] Пастернак Б.Л. Письмо Ж. Де Пруайар от 20 мая 1959 г. // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 10. — С. 488—491.
- [29] Пастернак Б.Л. Письмо Ст. Спендеру от 22 августа 1959 г. // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 10. — С. 521—524.
- [30] Тынянов Ю.Н. Блок // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. — М.: Наука, 1977. — С. 118—123.
- [31] Пастернак Б.Л. Письмо Д.Е. Максимова от 14 октября 1956 г. // Пастернак Б.Л. Указ. соч. — Т. 10. — С. 180—181.
- [32] Синявский А.Д. Поэзия Пастернака // Борис Пастернак. Стихотворения и поэмы. — М.; Л., 1965. — С. 9—62.

LITERATURA

- [1] *Pasternak B.L. Pis'mo M.I. Cvetaevoyj ot 27 marta 1926 g.* // *Pasternak B.L. Poln. sobr. soch.: v 11 t.* — М., 2003—2005. — Т. 7. — С. 608—611.
- [2] *Pasternak B.L. Pis'mo M. Oktyurje ot 4 fevralya 1959 g.* // *Pasternak B.L. Ukaz. soch.* — Т. 10. — С. 426—428.
- [3] *Pasternak B.L. Okhrannaya gramota* // *Pasternak B.L. Ukaz. soch.* — Т. 3. — С. 148—238.
- [4] *Pasternak B.L. «Gotovyatheyjsya knige moikh izbrannihkh stikhotvoreniyj...»* // *Pasternak B.L. Ukaz. soch.* — Т. 5. — С. 398—399.
- [5] *Pasternak E.B., Pasternak E.V. Kommentarii* // *Pasternak B.L. Ukaz. soch.* — Т. 5. — С. 510—743.
- [6] *Pasternak B.L. Pis'mo N.Ya. Mandel'shtam ot noyabrya 1945 g.* // *Pasternak B.L. Ukaz. soch.* — Т. 9. — С. 421—422.
- [7] *Pasternak B.L. Neskol'ko slov pered chteniem pervihkh glav «Doktora Zhivago»* // *Pasternak B.L. Ukaz. soch.* — Т. 5. — С. 467—468.
- [8] *Pasternak B.L. Pis'mo Z.F. Ruoff ot 16 marta 1947 g.* // *Pasternak B.L. Ukaz. soch.* — Т. 9. — С. 492.
- [9] *Pasternak B.L. Doktor Zhivago* // *Pasternak B.L. Ukaz. soch.* — Т. 4.
- [10] *Pasternak B.L. Veter* // *Pasternak B.L. Ukaz. soch.* — Т. 2. — С. 169—171.
- [11] *Pasternak B.L. Lyudi i polozheniya* // *Pasternak B.L. Ukaz. soch.* — Т. 3. — С. 295—345.
- [12] *Pasternak B.L. Shopen* // *Pasternak B.L. Ukaz. soch.* — Т. 5. — С. 61—65.
- [13] *Broytman S.N. Poetika knigi Borisa Pasternaka «Sestra moya zhizn».* — М., 2007.
- [14] *Ivanov Vyach. I. Dve stikhi v sovremennom simvolizme* // *Ivanov Vyach. I. Sobr. soch.: V 4 t.* — Т. 2. — Brussel, 1974. — С. 536—561.
- [15] *Pasternak B.L. K kharakteristike Bloka* // *Pasternak B.L. Ukaz. soch.* — Т. 5. — С. 363—367.

- [16] *Pasternak B.L. Pol'-Mari Verlen* // Pasternak B.L. Ukaz. soch. — T. 5. — S. 54—58.
- [17] *Blok A.A. O naznachenii poeta* // Blok A.A. Sobr. Soch.: v 8 t. — M.-L., 1960—1963. — T. 6. — S. 160—168.
- [18] *Blok A.A. O sovremennom sostoyanii russkogo simvolizma* // Blok A.A. Ukaz. soch. — T. 5. — S. 425—436.
- [19] *Blok A.A. Iz «Zapiski o “Dvenadcati”»* // Blok A.A. Ukaz. soch. — T. 3. — S. 474—475.
- [20] *Pasternak B.L. Pis'mo L.O. Pasternaku ot 10—15 maya 1916 g.* // Pasternak B.L. Ukaz. soch. — T. 7. — S. 240—247.
- [21] *Pasternak B.L. Neskol'ko polozheniy* // Pasternak B.L. Ukaz. soch. — T. 5. — S. 23—27.
- [22] *Pasternak B.L. Pis'mo S. Chikovani ot 6 oktyabrya 1957 g.* // Pasternak B.L. Ukaz. soch. — T. 10. — S. 264—267.
- [23] *Pasternak B.L. Pis'mo roditelyam ot 7 fevralya 1917 g.* // Pasternak B.L. Ukaz. soch. — T. 7. — S. 321—323.
- [24] *Pasternak B.L. Pis'mo P.P. Kryuchkovu ot 21 iyunya 1931 g.* // Pasternak B.L. Ukaz. soch. — T. 8. — S. 539—541.
- [25] *Bykov D.L. Boris Pasternak. 5-e izd.* — M., 2007.
- [26] *Pasternak B.L. Pis'mo M.I. Cvetaevoyj ot 29 iyunya 1928 g.* // Pasternak B.L. Ukaz. soch. — T. 8. — S. 237—240.
- [27] *Pasternak B.L. Pis'mo I.S. Burkovu ot 28 dekabrya 1959 g.* // Pasternak B.L. Ukaz. soch. — T. 9. — S. 437.
- [28] *Pasternak B.L. Pis'mo Zh. De Pruayjar ot 20 maya 1959 g.* // Pasternak B.L. Ukaz. soch. — T. 10. — S. 488—491.
- [29] *Pasternak B.L. Pis'mo St. Spenderu ot 22 avgusta 1959 g.* // Pasternak B.L. Ukaz. soch. — T. 10. — S. 521—524.
- [30] *Tynyanov Yu.N. Blok* // Tynyanov Yu.N. Poehtika. Istoriya literaturih. Kino. — M.: Nauka, 1977. — S. 118—123.
- [31] *Pasternak B.L. Pis'mo D.E. Maksimovu ot 14 oktyabrya 1956 g.* // Pasternak B.L. Ukaz. soch. — T. 10. — S. 180—181.
- [32] *Sinyavskiyj A.D. Poeziya Pasternaka* // Boris Pasternak. Stikhotvoreniya i poemy. — M.; L., 1965. — S. 9—62.

A. BLOK IN THE ARTISTIC AND LITERARY CRITICAL INTERPRETATION OF BORIS PASTERNAK

I.A. Burkov

Department of History of Literature of the XX—XXI centuries
Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1—51, Moscow, Russia, 119991

The article is dedicated to the image of Alexander Blok, created in fiction and non-fiction texts of Boris Pasternak (“Ochranayaya gramota”, “Doctor Zhivago”, “Veter”, etc). Blok is interpreted as both symbolist and realist, because, according to Pasternak, he doesn't devise his own symbols, but discovers them in the real world. As a result, along with Verlaine, Verhaeren and Rilke, Blok catches metaphysical sense of the turn of the century epoch and anticipates future historical cataclysms. As a whole, in his perception of Blok's artistic world Pasternak highlights those traits that influenced him at various stages of his creative development, in particular Blok's vitality of images, autobiographical poetics, impressionism as a way to capture the existence in its continuous formation, inner latitude of a creator.

Key words: Pasternak, Blok, reception, evolution, personality, symbolism, impressionism.